

Разумеется, это были не слова Августа, а восторженные возгласы знати, произнесённые нараспев, с придыханием.

Август не собирался ничего комментировать — некоторые мысли лучше оставить при себе.

Внутри объёмной фигуры лебеда скрывалось нечто вроде пирога из запечённой овсяной каши, покрытого хрустящей корочкой, на которой красовалось лебединое украшение — плод усердных трудов королевских поваров. Задача Августа заключалась в том, чтобы приподнять эту крышечку. В тот же миг содержимое «сундучка» выпрыгивало наружу, вызывая у гостей радостные улыбки.

Честно говоря, сюрпризом это уже ни для кого не было — подобное зрелище все видели не раз. Но гости любезно изображали должное восхищение и улыбались.

Кульминация праздника прошла безупречно. Август блестяще дебютировал в высшем свете Англии.

Все наперебой расхваливали ангельскую внешность герцога, изысканные манеры и невероятное мастерство в разделывании. Пусть это и было лишь данью формальности, для Августа, только вступающего в светскую жизнь, такая демонстрация была крайне важна — она закладывала фундамент для его будущего в аристократических кругах.

Рафаэль вложил столько сил в подготовку, чтобы подарить Августу — и через него остальным — воспоминания на всю жизнь.

После пира начался бал, сопровождаемый фейерверком, горевшим всю ночь, хоровым пением «Te Deum» и горами двойных подарков под рождественской елкой. Так Август встретил своё десятилетие.

Рафаэль стоял с Августом на балконе, наблюдая за салютом, и тихо сказал ему на ухо: «Рождественские подарки вручены. Готов получить свой, деньрожденный?»

«!!!»

Мысль «Мама, я хочу на нём жениться!» вновь начала навязчиво крутиться в голове Августа, выстраиваясь в ряд ярких восклицательных знаков.

Подарок от Рафаэля слегка запоздал — Август увидел его лишь шестого января, в день, указанный в королевских свадебных приглашениях.

Знать в роскошных нарядах и на дорогих упряжках с раннего утра потянулась ко дворцу Сент-Джеймс, заполонив улицы перед входом. Дамы соревновались в платьях, украшениях, цветах и шляпках, джентльмены же молча оценивали конные отряды старых соперников и то, не обзавелись ли те более дорогими каретами. Казалось, в жизни этих аристократов не осталось иной цели, кроме как превзойти друг друга в богатстве.

Королевская гвардия у ворот Сент-Джеймского дворца была на грани помешательства, но обязана была сохранять невозмутимое, подобающее королевскому дому выражение лица.

Август, наблюдавший за этим сверху, мысленно озвучил чувства несчастных гвардейцев: «Где мой сорокаметровый меч? Дайте я прикончу этого выскочку!»

Кхм.

После взаимных мучений у ворот гостей под руководством церемониймейстеров проводили в бальный зал, где они могли подкрепиться чаем и закусками в ожидании начала.

Масштабы Сент-Джеймского дворца, конечно, уступали Уайтхоллу и Хэмптон-Корту. К счастью, и число знатных особ, приглашённых на королевскую свадьбу, было не так велико, так что дворец едва справлялся с наплывом. Однако теснота не способствовала хорошему настроению.

Большинство аристократов владели искусством сохранять лицо, но некоторые взволнованные дамы намеренно избрали выражение мрачнее, чем на похоронах. Причина была не в толкотне: их возлюбленный женился, а невестой была не они. Пусть вся Европа и знала, что Ричард II — повеса, для многих он оставался идеальным любовником. И невинные девицы, и зрелые дамы после близкого общения с ним нередко начинали питать несбыточные надежды.

Подобно героям романов о сердцедах, они безнадёжно верили, что станут завершающей главой в его любовных хрониках, не понимая, что сами — лишь один из многих парусов, мелькнувших на его горизонте.

Никто не мог изменить Ричарда II — с этим соглашался даже он сам.

Августу не нужно было томиться в бальном зале, а значит, он избежал этого тягостного зрелища.

Он вместе с Рафаэлем прибыл в Сент-Джеймский дворец на день раньше. Эта резиденция, принадлежавшая Ричарду II, была «Главным дворцом монарха». Проще говоря, Сент-Джеймс был «законной супругой», тогда как Уайтхолл и прочие — не более чем яркие, но временные фаворитки. В них можно было отдыхать в будни, но для таких событий, как свадьба, крещение или приём иностранных монархов, требовалось достоинство главной резиденции.

Однако, как и большинство «законных супругов», скучноватый краснокирпичный Сент-Джеймс не пользовался особой любовью короля. Если не случалось важных событий, Ричард II предпочитал здесь не появляться.

Один Бог ведал, зачем Ричард II вообще построил этот дворец.

«Он через Кромвеля конфисковал имущество уймы церквей, фунтов стало некуда девать — вот он и начал строить повсюду», — с едкой усмешкой заметила мисс Мария. Будучи дочерью арагонской принцессы, она была убеждённой сторонницей католицизма, питала неприязнь к протестантизму и особенно возмущалась конфискацией церковных земель под этим предлогом.

Все эти разговоры о течениях и сектах сбивали Августа с толку. Все они, в конце концов, верили в Бога — к чему тогда эти распри?

Впрочем, политическая атмосфера в Лондоне сейчас была ещё относительно спокойной. В прежние годы, когда Ричард II не помышлял о «смирении», им устраивались настоящие кровавые бури. Август знал об этом немного, да и то, что знал, едва ли понимал. Даже если бы и понимал, он не стал бы ввязываться в религиозные распри. Он уважал чужие верования, но сам предпочитал оставаться в стороне.

Август разместился в Йоркском доме — личных покоях, специально отведённых для него Ричардом II. Из окон в грузинском стиле открывался вид на Олений парк, принадлежавший дворцу Сент-Джеймс. Именно там король когда-то обещал устроить для Августа охоту. Теперь же тому оставалось лишь с тоской взирать на парк и сожалеть об упущенной возможности.

Тем утром Рафаэль постучал в дверь комнаты Августа и собственноручно прикрепил к его манжетам пару запонок с драгоценными камнями. Запонки выглядели старинными, но сияли, как новые, и отличались универсальным изящным дизайном.

Август обрадовался: «Это и есть тот подарок на день рождения, о котором ты говорил?»

Ценность подарка — не в цене, а в чувстве. Эти запонки явно часто держали в руках — верный признак того, что они были дороги владельцу. То, что Рафаэль вручал их ему, означало доверие и веру в то, что Август будет хранить их бережно. Это было честью.

Рафаэль, собиравшийся сказать: «Ничего особенного, если не понравится — выбросишь», замер на целых три секунды, прежде чем произнести с непривычной для него сухостью: «На самом деле это — посмертный дар от человека, с которым у меня была... недоразумение. Мы виделись считанные разы. Сначала я не желал встреч, потом... боялся их, а затем встречаться стало уже не с кем. Всякий раз, глядя на эти запонки, я чувствую, как они жгут мне руки, но не могу от них избавиться. Так что... я дарю их тебе».

Вместе с самыми глубокими благословениями — от неё и от меня.

В старинном, полном мрака поместье, за многослойными занавесями, лежала умирающая старуха. Седеющие волосы, измождённое лицо — всё говорило о долгой и тяжкой борьбе с недугом. Слабым, но твёрдым голосом она обратилась к исповеднику: «Молю Тебя, Господи... Я заключила сделку с дьяволом. Не смею просить прощения у Тебя и не смею ждать его от него. Молю лишь об одном: защити его, сохрани его, моего... Благодарю Тебя, Всемогущий Боже».

Священник, принявший её последнюю исповедь, позже рассказывал, что она отошла с улыбкой, сжимая в руке запонки, — словно заключила с Богом какую-то договорённость.

Потому-то он и настаивал, чтобы Рафаэль принял их: они воплощали самую глубокую благословляющую любовь уходящей души.

Возможно, это была лишь игра воображения, но всякий раз, беря запонки в руки, Рафаэль чувствовал, как они обжигают кожу, жгут её — и всё же не мог отпустить.

И лишь сегодня он впервые поведал эту историю другому.

<http://bllate.org/book/15929/1423941>